

...Уже несколько дней я с ребятами жила в Туруханске. Мы всё ещё искали следы зарождения на материке четырёх предметов, дающих основу традиционной долганской женской одежде — парке: это металлические предметы конской упряжи и складни, павловопосадский платок, сукно и бисер. Шли мы в свой поход, гадая, каким же путём попали они на север края и как оказались в тундре, в быту долган. Я была художником в экспедиции и писала этюды тех мест, куда довелось нам волею судеб попасть.

В этот день, так же как и во все предыдущие, лил мелкий дождик, было очень холодно, мокро и зябко. Не в силах дожидаться, пока ребята окончательно проснутся, я пошла в храм одна, чтобы успеть на службу. Впрочем, мы шли вдвоём — вместе с весёлым лохматым псом, увязавшимся за мной где-то ещё в начале пути. Хотелось успеть поставить свечки, написать записочки за своих друзей, родных и близких, умерших и живых... Сегодня был особенный день — день Крещения Руси, и отец Софроний разрешил нам снимать крестный ход и само таинство крещения. Народу в храме было немного, человек десять, включая тех, кто вёл службу.

Накануне мы с ребятами приходили сюда с рассказами, и нам рассказали, как ломали стены и колокола, как принародно жгли иконы, и как люди кидались в огонь и спасали их, прятали по домам, и как потом вернули на место спустя годы. На стенах висели обгорелые лики святых, так и оставшиеся без реставрации... От этого что-то особое ощущалось внутри и было о чём подумать... Служба шла как

обычно, ничем не отличаясь от всех остальных. На удивление, за окнами так прояснилось, что солнце залило своим светом всё уже и внутри здания...

Ребята появились на пороге с камерой почти под конец службы, когда все пошли крестным ходом. Идти недалеко... Сам храм стоит на горочке, а Енисей — вот он, рукой подать. И теперь, уже стоя на берегу, отец Софроний дочитывал службу. Людей к тому времени прибавилось, появились и те, кто будет креститься сегодня. Среди них были ребяташки разного возраста: двое совсем малюсеньких близнецов — наверное, им было не больше недели от роду, младенцы чуть старше, мальчуган лет трёх и старик на костылях, который тоже хотел креститься.

В какой-то момент отец Софроний зашёл в воду почти по пояс, в том, в чём был, — в ботинках, брюках и праздничных ярко-жёлтых священнических одеждах. Перекрестил воду реки один раз, другой, третий... Потом благословил тех, кто пришёл только на службу, и служба закончилась. Люди разбрелись по берегу, чтобы окунуться в святую сегодня воду. Купались и ребяташки, и взрослые: кто-то целиком заходил в реку, кто-то только умывал лицо... Пёс забрался с мальчишками в воду весь и, радостный (казалось, даже улыбаясь), смело поплыл... Сушились потом, сидя на лодках, или бродили так, кидая камушки в речку... Солнце светило всё ярче, и становилось совсем жарко.

Где-то вдали шумели моторы, и рыбаки возвращались с рыбалки, причаливая по обеим сторонам от места нашего таинства. Мальчик, сын отца Софрония (кажется, его звали Григорием), помогал всё это время отцу вести службу и был очень серьёзный в своих священнических одеждах. Теперь же он был отпущен, и деревенские ребяташки — их было около семи, и большею частью это были девчонки, — наконец-то дождались его и утянули с собой играть. Золотого цвета священные облачения всё это время придавали ему такую строгость... а ребята задевали его руками и кричали:

— Галя! Галя!

В эти моменты Гришка не мог сдержаться, немного задирал подол и бежал вслед за ними по каменистому берегу, чтобы догнать и тоже задеть их рукою. «Ха-ха, мальчишка, какой же ты всё же мальчишка!» — думалось мне...

И отец Софроний начал крестить...

Нынче всё было по-особенному, и даже нам и родителям можно было присутствовать. Старику на костылях дали раскладной стульчик, так как ему трудно было стоять. Крёстные прижимали своих детей к себе, а батюшка, читая молитвы, произносил:

— Отрекаетесь?..

— Отрекаюсь... — отвечали они за детей своих и за самих себя.

— Веруете ли вы в Бога, Отца всемогущего, Творца неба и земли?

— Верую! — отвечали они.

Для погружения и помазания ребятишек начали раздевать. Солнце светило жарко, будто специально грело их своим теплом, чтобы они не замёрзли. Отец Софроний взял двухмесячного голенького младенца у матери и зашёл с ним по пояс в воду, окуная его с головой... Раз, два, три...

— Да благослови тебя Господь! — говорил он и возвращал, надевая нательный крестик и помогая укутать полотенцем.

Потом следующий...

Дети почти не плакали, омытые такой холодной, но могучей рекой, на которой им довелось родиться. Только трёхлетний мальчик кричал на весь берег и не хотел раздеваться. Мама сказала ему, что батюшка только коленки смочит — и всё, и с трудом оголила его... А отец Софроний с долей улыбки и благодати взял его на руки и унёс с собой, поставил в реку и вылил ему на голову три ведра воды со словами:

— Во имя Отца... и Сына... и Святаго Духа...

Ребёнок заливался от слёз и крику...

— Но, сынок, иначе никак нельзя! Какие силы даст тебе река и Бог, если ты с ними сроднишься!..

Старик тоже разделся и, опираясь на свои костыли, пошёл в реку. Его тоже окатили тремя вёдрами воды...

Когда отец Софроний взял и понёс с собою по очереди двух тех малюсеньких голых недельных младенцев и окунул их тоже, я заплакала. Они даже кричать как будто ещё не умели, только шевелили ручками и ножками и молча глотали воздух губами...

Отец Софроний дочитал последние нужные при крещении молитвы... и всё закончилось. Каким-то праздником и светом сияли лица людей, находившихся здесь сегодня. Вытерев рукавом свои вдруг накатившие слезы, мы с Ренато снова побрели к храму. Туда, где нас ждали ребята, сидя на лавочке и наблюдая за нами с горки. Люди тоже разошлись...

Ребята были озабочены историей о Сталине, которую рассказала им женщина, пока мы были заняты службой. Как он тут жил и что творил... Как много ещё помнят тайн и знают люди в тех местах! Как много ещё хранит боли эта земля... Мы же поведали им, как и что пережили там, на берегу, присутствуя на крещении. Лавочки хватило на всех четверых. Ренато что-то ещё рассказывал, а я смотрела на берег... Отец Софроний и его помощник ещё оставались на реке.

Никого, кроме них и рыбаков, вдали уже не было. Был с ними и мой утренний пёс, который сегодня успел со всеми перекупаться и присутствовал всё это время. Теперь же отец Софроний и его помощник (я не помню, как его звали, но всё это время он крестился левой рукой, потому что у него не было пальцев на правой, и он просил, и владыка дал ему благословение на это) сняли одежды и в нижнем белье зашли в воду. Пёс, довольный, поплыл вместе с ними.

«Ха-ха, мальчишки, какие же вы всё же мальчишки! — подумалось мне.— И какое великое благое дело вы сотворили сегодня! И каким счастьем залиты сами от этой своей светлости и доброты!..»

Погода снова начала портиться, и тучи заходили по небу. Где-то через полчаса зарядил дождь и уже не проходил все оставшиеся дни. Как будто небо согрело солнцем своих детей, когда им довелось окунаться в холодные воды ныне ставшей для них купелью реки...

Какими людьми станете вы, дети, рождённые матерью Сибирью и крещённые водами отца Енисея?.. Какою силою духа наделили вас сегодня Господь, земля ваша и река, на которой вы рождены!.. Какой это был великий день и в моей жизни! Подарок...